

Александр Грин

Четырнадцать футов

Александр Степанович Грин

Четырнадцать футов

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172485

Грин Александр. Романы. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-28577-8

Содержание

I	4
II	6
III	7
IV	8

Александр Грин

Четырнадцать футов

I

– Итак, она вам отказала обоим? – спросил на прощанье хозяин степной гостиницы. – Что вы сказали?

Род молча приподнял шляпу и зашагал; так же поступил Кист. Рудокопы досадовали на себя за то, что разболтались вчера вечером под властью винных паров. Теперь хозяин пытался подтрунить над ними; по крайней мере, этот его последний вопрос почти не скрывал усмешки.

Когда гостиница исчезла за поворотом, Род, неловко усмехаясь, сказал:

– Это ты захотел водки. Не будь водки, у Кэт не горели бы щеки от стыда за наш разговор, даром что девушка за две тысячи миль от нас. Какое дело этой акуле...

– Но что же особенного узнал трактирщик? – хмуро возразил Кист. – Ну... любил ты... любил я... любили одну. Ей – все равно... Вообще, был ведь разговор этот о женщинах.

– Ты не понимаешь, – сказал Род. – Мы сделали нехорошо по отношению к ней: произнесли ее имя в... за стойкой. Ну и довольно об этом.

Несмотря на то что девушка крепко сидела у каждого в

сердце, они остались товарищами. Неизвестно, что было бы в случае предпочтения. Сердечное несчастье даже сблизило их; оба они, мысленно, смотрели на Кэт в телескоп, а никто так не сроден друг другу, как астрономы. Поэтому их отношения не нарушались.

Как сказал Кист, «Кэт было все равно». Но не совсем. Однако она молчала.

II

«Кто любит, тот идет до конца». Когда оба – Род и Кист – пришли прощаться, она подумала, что вернуться и снова повторить объяснение должен самый сильный и стойкий в чувстве своем. Так, может быть, немного жестоко рассуждал восемнадцатилетний Соломон в юбке. Между тем оба нравились девушке. Она не понимала, как можно отойти от нее далее четырех миль без желания вернуться через двадцать четыре часа. Однако серьезный вид рудокопов, их плотно уложенные мешки и те слова, какие говорят только при настоящей разлуке, немного разозлили ее. Ей было душевно трудно, и она отомстила за это.

– Ступайте, – сказала Кэт. – Свет велик. Не все же будете вы вдвоем припадать к одному окошку.

Говоря так, думала она вначале, что скоро, очень скоро явится веселый, живой Кист. Затем прошел месяц, и внушительность этого срока перевела ее мысли к Роду, с которым она всегда чувствовала себя проще. Род был большеголов, очень силен и малоразговорчив, но смотрел на нее так добродушно, что она однажды сказала ему: «цып-цып...»

III

Прямой путь в Солнечные Карьеры лежал через смещение скал – отрог цепи, пересекающий лес. Здесь были тропинки, значение и связь которых путники узнали в гостинице. Почти весь день они шли, придерживаясь верного направления, но к вечеру начали понемногу сбиваться. Самая крупная ошибка произошла у Плоского Камня – обломка скалы, некогда сброшенного землетрясением. От усталости память о поворотах изменила им, и они пошли вверх, когда надо было идти мили полторы влево, *a затем* начать восхождение.

На закате солнца, выбравшись из дремучих дебрей, рудокопы увидели, что путь им прегражден трещиной. Ширина пропасти была значительна, но, в общем, казалась на подходящих для того местах доступной скачку коня.

Видя, что заблудились, Кист разделился с Родом: один пошел направо, другой – налево; Кист выбрался к непроходимым обрывам и возвратился; через полчаса вернулся и Род – его путь привел к разделению трещины на ложа потоков, падавших в бездну.

Путники сошлись и остановились в том месте, где вначале увидели трещину.

IV

Так близко, так доступно коротенькому мостку стоял перед ними противоположный край пропасти, что Кист с досадой топнул и почесал затылок. Край, отделенный трещиной, был сильно покат к отвесу и покрыт щебнем, однако из всех мест, по которым они прошли, разыскивая обход, это место являло наименьшую ширину. Забросив бечевку с привязанным к ней камнем, Род смерил досадное расстояние: оно было почти четырнадцать футов. Он оглянулся: сухой, как щетка, кустарник полз по вечернему плоскогорью; солнце садилось.

Они могли бы вернуться, потеряв день или два, но далеко впереди, внизу, блестела тонкая петля Асценды, от закругления которой направо лежал золотоносный отрог Солнечных Гор. Одолеть трещину – значило сократить путь не меньше как дней на пять. Между тем обычный путь с возвращением на старый свой след и путешествие по изгибу реки составляли большое римское «S», которое теперь предстояло им пересечь по прямой линии.

– Будь дерево, – сказал Род, – но нет этого дерева. Нечего перекинуть и не за что уцепиться на той стороне веревкой. Остается прыжок.

Кист осмотрелся, затем кивнул. Действительно, разбег был удобен: слегка покато он шел к трещине.

– Надо думать, что перед тобой натянута черное полотно, – сказал Род, – только и всего. Представь, что пропасти нет.

– Разумеется, – сказал Кист рассеянно. – Немного холодно... Точно купаться.

Род снял с плеч мешок и перебросил его; так же поступил и Кист. Теперь им не оставалось ничего другого, как следовать своему решению.

– Итак... – начал Род, но Кист, более нервный, менее способный нести ожидание, отстраняюще протянул руку.

– Сначала я, а потом ты, – сказал он. – Это совершенные пустяки. Чепуха! Смотри.

Действуя сгоряча, чтобы предупредить приступ прости-гельной трусости, он отошел, разбежался и, удачно поддав ногой, перелетел к своему мешку, брякнувшись плашмя грудью. В зените этого отчаянного прыжка Род сделал внутреннее усилие, как бы помогая прыгнувшему всем своим существом.

Кист встал. Он был немного бледен.

– Готово, – сказал Кист. – Жду тебя с первой почтой.

Род медленно отошел на возвышение, рассеянно потеряв руки и, нагнув голову, помчался к обрыву. Его тяжелое тело, казалось, рванется с силой птицы. Когда он разбежался, а затем поддал, отделившись на воздух, Кист, неожиданно для себя, представил его срывающимся в бездонную глубину. Это была подлая мысль – одна из тех, над которыми че-

ловек не властен. Возможно, что она передалась прыгавшему. Род, оставляя землю, неосторожно взглянул на Киста, – и это сбило его.

Он упал грудью на край, тотчас подняв руку и уцепившись за руку Киста. Вся пустота низа ухнула в нем, но Кист держал крепко, успев схватить падающего на последнем волоске времени. Еще немного – рука Рода скрылась бы в пустоте. Кист лег, скользя на осыпающихся мелких камнях по пыльному закруглению. Его рука вытянулась и помертвела от тяжести тела Рода, но, царапая ногами и свободной рукой землю, он с бешенством жертвы, с тяжелым вдохновением риска удерживал сдавленную руку Рода.

Род хорошо видел и понимал, что Кист ползет вниз.

– Отпусти! – сказал Род так страшно и холодно, что Кист с отчаянием крикнул о помощи, сам не зная кому. – Ты свалишься, говорю тебе! – продолжал Род. – Отпусти меня и не забывай, что *именно на тебя посмотрела она особенно*.

Так выдал он горькое, тайное свое убеждение. Кист не ответил. Он молча искупал свою мысль – мысль о прыжке Рода вниз. Тогда Род вынул свободной рукой из кармана складной нож, открыл его зубами и вонзил в руку Киста.

Рука разжалась...

Кист взглянул вниз, затем, еле удержавшись от падения сам, отполз и перетянул руку платком. Некоторое время он сидел тихо, держась за сердце, в котором стоял гром, наконец лег и начал тихо трястись всем телом, прижимая руку к лицу.

Зимой следующего года во двор фермы Карроля вошел прилично одетый человек и не успел оглянуться, как, хлопнув внутри дома несколькими дверьми, к нему, распугав кур, стремительно выбежала молодая девушка с независимым видом, но с вытянутым и напряженным лицом.

– А где Род? – поспешно спросила она, едва подала руку. – Или вы одни, Кист?!

«Если ты сделала выбор, то не ошиблась», – подумал вошедший.

– Род... – повторила Кэт. – Ведь вы были всегда вместе... Кист кашлянул, посмотрел в сторону и рассказал все.

1925 г.